

Искусство чтения

Евгений ПОПОВ

ОТ ТЕМНО-СИНЕГО ДО БЕЗОРУЖНО-ЗЕЛЕННОГО К ПУСТОТЕ?

Поскольку поэзия пока не проходит идеологический створ современности, а караван судов ее застоялся, ожидая внимания публики, спящей на сейнерах разного тоннажа и специализирующейся на ловле купюр всяческих достоинств и расцветок, на ум приходят слова Юнны Мориц: «А в лице его, конкретно, что-то счастья не заметно», сказанные в свое время о схожей ситуации, правда, в стихотворении об инопланетянах.

Но ведь и поэты, похоже, стали для просвещенной, но нечитающей публики именно теми инопланетянами.

Именно среди такой публики и гуляет расхожая фраза: «Литературы сейчас нет!», ставшая одним из самых распространенных «культурных» мемов. Мол, все закончилось Серебряным веком, а то, что потом и сейчас, просто отсутствует. Прием знакомый, но действующий как обезболивающий укол. Укол проходит — проблема остается. И разбираться с литературным караваном рано или поздно надо. Иначе придется кричать «ау!».

Когда начинается партизанщина? Когда жить мучительно...

Не стало критики. Литературной критики, за которую деньги платят. Есть только реальная, за нее можно и срок схлопотать.

Авторы художественных произведений ощущают свою ненужность. Они ведь теперь числятся общественниками и, по существу, выпали из социума. А это для писателя все равно что подвергнуться насилию и мучительству.

Работа писателя в стол — есть функция асоциальная. Она толкает в диссидентство, а то и (такие дела!) во вражеский лагерь. Уже потом будут выяснять, кто в этом ви-

Евгений Александрович Попов — поэт и прозаик, автор книг «Птицы в городе», «Сильное небо», «Западно-восточный ветер», «Памятник тяжелой волне», «Открытое дерево», «Четырехгорка», «Генкины паруса». Живет в Санкт-Петербурге.

новат... Эти вопросы всегда возникают потом. И рано или поздно время называет виновных...

Или мы действительно переносимся в эпоху, когда 80 % населения было неграмотным, а литературой наслаждались лишь посвященные в грамотеи аристократы... Профессия гадалки есть, а профессии писателя нет. Ха-ха-ха — одним словом в три слога!

Иногда временная ассоциация кусает сильнее. Поэтому вспомним северную пчелу. А уж когда заводятся союзы в футляре, а в них еще и северная оса, то рождаются уже просто шедевры абсурда.

Человек, как и союз, в футляре, как метаболизм эпохи может существовать долгое время не мимикрируя, а всего лишь подстраиваясь под интонации начальства, создавая необходимый фон воркующего болотца, для которого продолжение рода в данный момент является наиглавнейшей функцией.

В художественной сфере еще проще. Роль блюстителя, «как бы чего не вышло», в такие времена примеряет на себя «новый критик». Примеряет, а входя в роль, начинает ощупывать себя Петром Алексеевичем, рубящим головы взбунтовавшимся стрельцам до полной своей усталости. Но поскольку такой неопит все-таки никакой не царь, то петь ему в унисон с начальственным барабаном можно, например, в виде корнета-пистона. Википедия гласит, что «во второй октаве его тембр становится все более крикливым, наглым, с оттенками фанфаронства».

Это лирическое отступление, эта беззлобная вариация, обезболивающий укол, можно сказать, вызванная беспокойством за соблюдение прав петербургских лириков, думаю, ничуть не повредит объекту нашего пристального внимания — самому что ни на есть Александру Юрьевичу Комарову, поэту, на мой взгляд, замечательному.

Вот вышла книга Александра Комарова «Человек с Фонтанки». И что говорили о ней? А ничего. Только друзья между собой. Было ли какое-нибудь профессиональное обсуждение? Было. Через полтора года после выхода книги, на секции поэзии. Обсуждение дежурное и без последствий для критики. Прошуршал только слух, что один литературовед кисло поморщился при упоминании фамилии Комаров. Да и понятно почему, ведь написал же этот Комаров:

Филолог — враг литературы...
 Но классикам он строит куры,
 А держится, как верный страж
 Словесности. И вечно хмуры
 Его сужденья. Эпатаж
 Подозревает он в поэтах,
 И горек, горек их удел,
 Когда они слова не этак
 Расставят, как бы он хотел.

.....

Минувшим временам верна
 Его натура.

Иерархической системе литературных отношений пришел конец. Кто-то этому радуется. Но не это главное. Выяснилось, что общий литературный уровень резко упал. За редким исключением. Иногда начинает казаться, что происходит какое-то глумление над здравым смыслом и рулить начинают посредственности.

Впрочем, Александр Комаров это «блюдо» уже заказывал:

Поощрительно подмигивать брось.
Все и так уже идет вкривь и вкось.
Не похлопывай меня по плечу —
Одобренья твоего не хочу:
Коль твоих я удостоен похвал, —
Значит, в чем-то, хоть чуть-чуть, сплюховал.
Жест приятельский... Сочувственный взгляд...
От похлопываний плечи болят.

И действительно, кому напомнишь о Комарове, и тут же начинают заочно его «похлопывать»: «Да-а, Саша Комаров!..»

Никакой он вам не Саша, а Александр Юрьевич! Давно пора бы понять... И выдвинуть Комарова на соискание литературной премии. Хотя, увы, теперь этими делами занимаются в основном сами авторы. Хотя, признаться, это стыдно и почти неприлично. Впрочем, эта точка зрения уже устарела. Нельзя сказать, что всегда литературные премии присуждаются за неталантливые произведения. Но нельзя и сказать, что всегда за лучшие.

Девиз нашей эпохи — шоу-стандарт: «Будьте креативными: толкайтесь, топчите, кричите и рвите рубахи во славу себя, иначе ваши талантливые произведения никто не прочтет».

Открывая книгу Комарова «Человек с Фонтанки», будтоходишь в холодную воду: тело покрывается мурашками, и не от холодного темно-синего цвета обложки, между прочим, удачной, а от неожиданно открывшегося мелкого шрифта, вероятно, это «таймс», шестой кегль.

Справившись с первым шоком, берешь для сравнения, например, сборник А. Галича 80-х годов издания и находишь ту же мелкоту, правда, в сборнике более миниатюрном.

Начинаешь искать содержание. В конце книги нет. В начале — тоже. Это второй шок, потому что в самой-то книге, в стихах, содержание все же есть. И смысл есть, и поэзия тоже. (Хотя любителям издательских курьезов этот сборник как раз для коллекции.)

Справившись с названными неудачами, начинаешь книгу изучать. Медленно и долго. А иначе и не получится: 223 страницы убористого текста в подбор, то есть не по стихотворению на странице, а подряд, одно за другим. И тут уже чувствуешь настоящее содержание. Да и для чего, в конце концов, перечень стихотворений? Только для удобства читателей. Но мы ведь о поэзии.

Так утешаешь себя, ибо знаешь Александра Комарова давно, стихи его любимы, поэтому проходишь листаж, вникая, удивляясь и радуясь.

Вчитаемся в стихотворение «Стужа».

Начинается оно достаточно традиционно:

Мороз — за сорок. Солнце светит ярко.
Но свет его что мертвому припарка:
Из мрачных недр колодезных вода,
Наверх явясь, покрылась коркой льда.

К печной трубе ворона еле-еле
Гребет. Деревья одеревенели.

Но вот пошли короткие предложения, отрывистые, четкие, как будто повышающие давление и в стихотворении, и в окружающей среде:

Стоишь в тиши, безмолвствуя. Но скоро
Ее прорезывает звук мотора —
Сначала тихо; все слышней, слышней...
И вот — машина. И толпа за ней.
Движение их медленно и вязко.
Накатан зимник. Невозможна тряска.
Густеет воздух. Замерзает ртуть.
И солнце светит на последний путь.
Ни ветерка вокруг. Ни колыханья.
Мотора ровный, однотонный зуд...
Как холодно тому, кого везут!

Все очерчено. Читателю нужен выход. Вот он:

Довольно мне сверканья ледяного!
Как страшно жить!
.....
И эта стужа, спутница сюжета, —
Как негатив забвения и тьмы...

Дровами яблоневыми все лето —
До осени топили баню мы.

Сильное, драматическое, сюжетное стихотворение. Такие в современной русской поэзии встречаются не так уж и часто.

Правда, у Комарова стихотворений с напряженным сюжетом и градусом немного. Он не любит и в стихах своих рвать глотку, рубаху. Он любит порассуждать, иронически оценить происходящее. Но умеет делать это коротко и емко, иначе получалось бы сварливо и нудно.

Безденежье гнетет, как гири,
и долг соседям не изжит;
ремонт хронический в квартире
лечению не подлежит.

Политик новый, бывший урка,
в телеэфире гнет свое,
и, как сухая штукатурка,
крошится наше бытие.

А вот и строки, опять похожие на наш литбыт:

Влез в трамвай. Кондуктор видит это,
но не предлагает мне билета,
бродит по вагону взад-вперед,
а с меня оплаты не берет.

Что же это, в самом деле,
что меня в упор не разглядели?

Все по жизни: все видят талантливых людей, но как будто не замечают. Не мучаются мыслью и желанием сказать громко: «Вот какой автор талантливый! Давайте его продвигать к читателю». Литбыт такой.

Но автор-то

...живой.
Добавлю, чтоб вы знали:
у меня стихи идут в журнале.
Слава же, как этот, из трамвая, —
ходит мимо, ежась и зевая.

Не взялся бы я за эти заметки, кабы не запущенность нашего «обобщественного» литературного огорода. Вот и я, как партизан, как общественник не из актива, вдруг и защебетал о талантливом Комарове. Спел свою песню. А критика на что? Ведь если критик получает за свою работу плату по сложившейся уже веками практике, то отвечает «за базар» и заинтересован в «лоббировании» автора. Он упоминает о нем при любом случае удобном и не очень: в кругу друзей, авторов, читателей, в СМИ. Он делает свою работу! Уважаемую и необходимую. И оплачиваемую. Но она теперь не оплачивается. Как и сама литература, задвинута в темный чулан культурного обихода.

Но вот еще одна цитата-стихотворение из Комарова:

В час неурочный, час почти ночной
заехал брат к сестре своей родной.
Одна она в квартире не спала:
подумать можно, что его ждала.

Муж заворочался, звонком разбужен,
и, осторожный различив басок,
совсем проснулся, и уснуть не мог.
Жена уже разогревала ужин.

Он разбирал отдельные слова,
в беседу абсолютно не вникая,
себе отчета не отдав сперва,
что слушал не слова, а то — какая

там речь необычайная текла,
вдруг ощутив с неявною тоскою,
что вся она исполнена была
терпенья, пониманья и покоя...

И долго он еще заснуть не мог,
следа невнятный этот диалог,
внимая чуть постукивавшим мискам,
завидую, как все, кто одинок,
двоим на кухне — любящим и близким.

Когда не слышат этой теплоты, такого простого и доверительного слова, остается только руками развести. Это цитаты из темно-синего «Человека с Фонтанки».

А вот из зеленого «Дополнение к сказанному», в котором автор так же предстает как мастер поэтических форм. Здесь и сонеты, и верлибры, и свободное владение интонацией, и сарказм, и улыбка, и теплое, почти осязаемое дыхание современности...

Философская лирика Комарова, немного наивная, но окрашенная легкой улыбкой, одобренная ненавязчивым юмором, располагает к себе читателя, предлагая увидеть в деталях быта поэзию, в атмосферных явлениях философию, в талантливом сочетании слов музыку. Он ищет гармонию. И помогает читателю найти ее в окружающем мире. Ведь время, как всегда, не простое на дворе:

В это время только дома
от ветров укрыться можно.
Если только дом надежен,
и уютен, и любим.

Ибо дом — символ гармонии.

Поиски человеческого и природного в человеке — дело вроде бы традиционное и привычное. Но такие поиски часто превращаются в обыденную привычку, формальность, переходящую в стандарт восприятия окружающего мира. А Комаров как раз неформален и нестандартен.

Что вдруг произошло? Сместилась ось
земная? Ась? — не слышу! Вкривь и вкось
все понеслось. Но не сыскать ответа.
И вот куда копошимся врозь,
трусливо лепеча себе: «Небось!» —
нам что-то внятно говорит планета...

Вот автор и пытается услышать это «что-то» и, кажется, слышит в своей книге...

И когда Комаров провокационно заявляет: «Меня втравили в созерцанье трав, меня любовью к лесу отравили», мы понимаем, что это улыбка-отрава, несущая и признаки самоиронии, и напускное ворчание, работает как эффективный поэтический прием.

«А что с любовью? Не уценена?» — осторожно беспокоится автор. И мы понимаем эту осторожность, потому что ко всему тонкому и нежному надо относиться тонко и бережно.

Сам поэт умеет с любовью и юмором относиться и к себе, и к коллегам по перу:

Но оказалось: Левик-то — велик!
Не тем, что перевел немало книг,
а как умел слова расставить, шельма!

Ведь красиво «слова расставить» дано не многим.
Поэт Александр Юрьевич Комаров из тех не многих...

И счастлив становишься, как идиот,
среди сочетаний различных частот,
разбухших от смысла,
от тех колебаний, взметнувшихся ввысь,
где физика с музыкой переплелись...
И числа, и числа!

Будем стойкими! Время, конечно, опускает нас на дно. Но давайте представим себя неким ведром, которым черпают родниковую воду. Представим в нашем случае, что поэзия и станет той родниковой водой, исцеляющей и вдохновляющей. Пусть опять придет ее время. Ведь — а мы имели такой опыт! — оно было не самым худым.

РЕЦЕНЗИИ

ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Мода изменчива, как погода.

В последние годы многие издательства увлеклись сборниками, не привычными авторскими, а коллективными. А монстры даже поставили дело на поток: за книгой о счастье следует антология несчастья, за Москвой — Петербург, за детством — секс и смерть. Можно — про футбол (благо, есть информационный повод), а можно — про кулинарию. Для изобретения новых тем впору вводить в редакциях свежие головы.

Но где найти новых авторов? Самые востребованные в изнеможении перебегают с обложки на обложку.

В очередном блоке рецензий магистранты СПбГУ, специализирующиеся по критике и литературному редактированию, смотрят на этот феномен с разных сторон, но оценивают его преимущественно благожелательно.

И это можно понять. Во-первых, в антологиях хороший редактор-составитель — половина успеха.

Есть и во-вторых. «Антологии и хрестоматии имеют особенное значение при освоении литературы прошлого. Они создают в сознании канон текстов, в принципе знакомых каждому образованному человеку, и этим облегчают формирование единства вкуса и возможности читательского взаимопонимания» (М. Л. Гаспаров).

Антологии же современные — фундамент будущего канона.

Попробуем угадать?

Игорь СУХИХ

ВИЖАС МИЗЕРИА, ИЛИ ПОЛЕВОЕ БЕССИЛИЕ

**Игра народная. Русские писатели о футболе. М.: АСТ, редакция
Елены Шубиной, 2018.**

Сборник короткой прозы «русских писателей о футболе» «Игра народная», вышедший в издательстве «АСТ» (редакция Елены Шубиной) к началу чемпионата мира в России, содержит 32 «образца»... Стоп. Здесь стоит сразу же сделать остановку. Образца чего? Потому что дальше ни критики, ни тем более читатели не могут охарактеризовать то блюдо, которое им в этом литературном ресторане предлагают. Или, если уж пользоваться футбольной терминологией, что это за команда выходит побеждать в «игре народной»? Кстати, побеждать ли? С таким составом действующих лиц

НЕВА 7'2019